

О сновидениях и прочих чудесах, не поддающихся разуму, Се Сыхэн, воспитанный на конфуцианских канонах, прежде не верил.

Но сегодняшний случай казался ему отчаянным посмертным зовом Цин Мянь.

Быть может, перед тем как её душа рассеялась, обстоятельства не позволили ей проникнуть в его сон, и тогда она отыскала столь же преданного и благородного владельца лавки Цзиня, с которым ему довелось встретиться у могилы Цин Мянь.

Если это не предопределение свыше, то что же тогда?

С суровым выражением лица Се Сыхэн произнес:

- Хозяин Цзинь, на самом деле Се, как и вы, обязан генералу А Мянь спасением своей жизни.

- Значит, господин Се, вы тоже не отступитесь, верно? - прямо спросила Цин Мянь.

- Верно. Я и сам с самого начала находил это дело странным, а теперь, услышав о том, что вам приснилось, я тем более не могу бросить всё на самотёк.

Цин Мянь отступила на шаг и отвесила глубокий поклон:

- Господин Се, пусть у меня нет чина, но я записана в торговые сословия. Если гильдия даст заказ, такие купчихи, как я, могут вместе со свахами и торговками заходить во внутренние покои знатных домов. Если у вас, господин Се, возникнут какие-то соображения, я готова помочь вам всем, чем смогу!

Се Сыхэн кивнул:

- Хорошо, договорились.

.....

Под вечер, среди оглушительного стрекота цикад, Се Сыхэн перешагнул порог родного дома.

Служанки как раз разбрызгивали по двору колодезную воду, чтобы остудить воздух и спастись от зноя. Завидев возвращение второго молодого господина, они почтительно отступили в сторону, предупреждая под нос:

- Будьте осторожны, скользко.

- Льда всё ещё нет? – спросил Се Сыхэн.

Управляющий встретил его у входа:

- Докладываю второму господину: старый слуга снова ходил к леднику. Там сказали, что ведомство Тафусы только что отдало приказ: Его Величество на днях возвращается в столицу, так что лёд больше не нужно возить в летний дворец, и потерь будет гораздо меньше. Завтра люди из домов сановников третьего ранга и выше уже смогут отправить за льдом слуг.

Се Сыхэн усмехнулся про себя: какая «удачная» заминка со льдом в самый разгар жары.

Он холодно распорядился:

- Когда лёд привезут, сначала отправьте его в покои отца и старшего брата, а если останется лишний – отдайте мне. Если же не хватит – не страшно, я не боюсь жары.

Управляющий низко поклонился в знак согласия, а когда поднял голову, его лицо стало ещё более почтительным. Он окликнул кого-то за спиной Се Сыхэна:

- Господин.

В другом конце галереи появился перешагнувший седьмой десяток Се Лянь и обратился к Се Сыхэну:

- Весь в потьмах от жары – ступай сперва омойся и смени одежду, а после приходи ко мне в кабинет.

Се Сыхэн освежился с поразительной быстротой – без той избыточной изысканности, что была свойственна юношам из знатных семей. Спустя мгновение, приведя себя в порядок в повседневном халате из ханчжоуского шёлка, он вошёл в кабинет отца.

- Сегодня день Большой Жары, умеешь же ты выбрать место – отправился на гору Цинляншань, не так ли? – заговорил Се Лянь.

Се Сыхэн поднял взгляд на отца:

- Сын помнит, что до вашей отставки вышивка на парадном халате у вашего сердца изображала золотого фазана, положенного гражданским чиновникам второго ранга. Не думал, что даже в Управлении тысячника, где кишмя кишат грубые вояки, у вас, батюшка, есть ученики и прежние подчинённые, служащие вам глазами и ушами.

Такой колючий тон сына, казалось, ничуть не удивил Се Ляня; он лишь легко вздохнул и спокойно пояснил:

– Сегодня твой старший брат освободился со службы пораньше. Он подумал, что раз ты только что получил звание командира сотни, нашей семье следовало бы угостить сослуживцев вином и фруктами, чтобы другие не подумали, будто мы, штатские, смотрим свысока на военных. Он купил всё необходимое и вместе с работником из ресторана отправился к тебе в ведомство. Тысячник сказал ему, что ты взял отгул и отправился на гору Цинляншань навестить новую могилу Маркиза Цинь.

Се Сыхэн всё понял.

Приведя владельца лавки Цзинь и раненую собаку в Управление тысячника, он, чтобы оградить госпожу Цинь от любопытных взглядов солдат, провёл их прямо через заднюю дверь в конюшню, позвав лишь ветеринара. Он не пересекался ни с кем – от тысячника до командира десятка из Цзиньивей, – а потому ничего не знал о визите старшего брата.

Чувство вины за собственную резкость едва успело шевельнуться в душе рябью, как Се Сыхэн подумал: а разве фраза отца «умеешь же ты выбрать место» не была насмешкой?

Нет, произнести такое, зная, через что прошёл его сын, было почти нанесением раны.

Взгляд Се Сыхэна мгновенно снова похолодел.

Он пристально посмотрел в глаза отцу:

– Пусть сын не столь искушён в чтении мудрых книг, как отец и старший брат, но кое-какие правила человеческой жизни я усвоил. Пять лет назад Маркиз Цинь приказала своим отборным воинам вытащить меня из лап варваров. Теперь они – госпожа и слуги – покоятся под землёй, и я должен был успеть почтить их память в первые семь дней после смерти. Даже простые простолюдины Инъяньфу идут туда, а я, если посчитать, разделял с ними ратный долг – неужели именно мне туда идти нельзя?

Голос Се Ляня оставался мягким и спокойным:

– Простые учёные мужи и уличные торговцы идут туда, чтобы поклониться павшим героям. А ты идёшь туда как придворный чиновник, помнящий о пограничном генерале. Маркизы Цинь больше нет, но Армия семьи Цинь жива, и её ключевые командиры всё ещё здесь.

Се Сыхэн легко усмехнулся:

– Отец преувеличивает. Какой из меня придворный чиновник – всего лишь сотник Цзиньивей. В городе Инъянь даже те, кто по ночам вывозит нечистоты, при виде меня мысленно плюются и

обзывают воякой. Какая уж из меня опора трона?

– Второу сын, да как ты смеешь!

Се Лянь наконец выказал гнев, подавшись корпусом вперед к письменному столу и не сводя глаз с Се Сыхэна.

– Отец, второй брат...

Раздался такой же мягкий и плавный голос, как у Се Ляня, и в комнату вошел старший сын Се Хуайкан.

Се Сыхэн повернулся к нему:

– Старший брат сегодня потратился, премного благодарен, что сохранил моё лицо перед людьми.

– Был бы рад, если второй брат не считает это излишними хлопотами, – мягко улыбнулся Се Хуайкан. – Тысячник очень хвалил тебя, говорил, что дела ты ведёшь умело, и братья из десятников и сотников тебя весьма уважают.

.....

Единственный кровный брат Се Сыхэна, дослужившийся до звания академика Ханьлиня и ответственного за составление императорских указов, Се Хуайкан в этом году достиг тридцати четырёх лет – ровно на один цикл двенадцати животных старше Се Сыхэна.

Се Лянь и его супруга госпожа Гу происходили из знатных родов провинции Чжэцзян. Их семьи придерживались схожих устоев, а брак был на редкость гармоничным и счастливым.

Родив старшего сына Хуайкана, госпожа Гу несколько лет не беременела. Обладавший официальным чином Се Лянь по закону имел право на наложниц.

Но даже несмотря на то, что сама госпожа Гу уговаривала мужа, Се Лянь наотрез отказывался брать наложниц.

Неожиданно, перешагнув тридцатилетний рубеж, госпожа Гу вновь забеременела и родила младшего сына Сыхэна. Супруги были вне себя от радости.

К несчастью, год спустя, когда госпожа Гу вместе с братьями Хуайканом и Сыхэном возвращалась на малую родину для совершения поминовения предков, тяжелая дорога

подорвала её здоровье. Вернувшись в столицу, она полгода пролежала прикованной к постели и скончалась.

К тому моменту Се Лянь уже дослужился до должности заместителя министра ведомства Инженерных дел и ещё не достиг сорока лет. Сколько чиновников четвёртого и пятого рангов в столице желали пристроить своих дочерей в жёны овдовевшему заместителю министра, и даже сам император Чэнь Лан лично справлялся об этом.

Однако все эти усердные попытки со стороны разбились о решительный отказ Се Ляня.

Поэтому в детстве старший брат Се Хуайкан, помня о занятости отца государственными делами, одновременно усердно готовился к экзаменам и взял на себя заботу о воспитании младшего брата, отчасти заменяя ему отца.

Добрая слава о безупречных устоях семьи Се разнеслась по всей столице и, разумеется, не укрылась от глаз Сына Неба.

Когда Се Сыхэну исполнилось одиннадцать лет, он стал компаньоном по учёбе пятого сына Чэнь Лана, Князя Дай по имени Чэнь Син. Спустя шесть лет, проявив находчивость и храбрость, он спас Чэнь Сина от гибели в зубах северных варваров, за что удостоился особой императорской милости и похвалы.

Однако именно тогда в отношениях между отцом и сыновьями, а также между братьями стали зарождаться трещины.

Се Сыхэн всей душой желал остаться в уделе Князя Дай по имени Чэнь Син, чтобы упражняться в стрельбе и верховой езде и стать военачальником под началом князя, и сам Чэнь Син горячо этого желал.

Се Лянь же подал императору мемориал, в котором указал, что сам он занимает пост министра ведомства Инженерных дел, старший сын уже служит редактором в Академии Ханьлинь и вскоре займет должность ответственного за указы – важнейший пост в самом сердце государственного управления, – а отправлять младшего сына в дом удельного князя, да ещё и князя северо-западного пограничного удела, коих насчитывалось всего пять, совершенно неуместно.

<http://bllate.org/book/21831/2261323>